

менов В. Ф. Год за годом. Статьи и очерки. М., 1970; Кожухова Г. Перед лицом совести // Правда. 1971. № 53. 22 февр. С. 6; Потапов В. Моя память хранит обрывки: Интервью с Зюкой Тур // Огонек. 2002. № 37. Сент.

М. В. Смирнова

ТУРОВЕРОВ Николай Николаевич [18(30).3. 1899, ст. Старочеркасская Обл. Войска Донского — 23.9.1972, Париж; похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа] — поэт.

Происходил из старинного казачьего рода (Т. одной генеалогической ветви с поэтом А. В. Туроверовым, автором сб. стихов «Казачьи досуги», 1858). В 1917, по окончании реального училища в станице Каменской, Т. поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Атаманский полк и выдержал затем испытание (офицерский экзамен) на чин хорунжего. В рядах Атаманского полка принимал участие в Первой мировой войне. В Гражданскую войну сражался в партизанском отряде есаула Чернецова, был участником Ледяного (Первого Кубанского) похода. Во время борьбы за Дон был 4 раза ранен. Осенью 1920 подвесаул Т. в составе Донского корпуса, входившего в армию П. Н. Врангеля, эвакуировался из Крыма в Турцию, оттуда — в Грецию, на о. Лемнос. Летом 1921 в числе казаков гвардейской бригады переехал в Сербию. Здесь около года вместе с сербскими военнослужащими собирал оружие и боеприпасы на бывшем Солонишковском фронте, служил пограничником на границе с Венгрией. Позднее работал лесорубом и мукомолом. После объявленной советским правительством амнистии (1923) Т., как и другим казакам, была предоставлена возможность вернуться на родину, однако он не вернулся, о чем потом никогда не жалел. В середине 1920-х Т. с большими трудностями перебрался из Сербии в Париж, где вначале работал грузчиком, одновременно посещал Сорбонну и кружок казачьих литераторов-эмигрантов.

Писать стихи Т. начал в годы учебы в реальном училище, печататься (помимо стихов публиковал статьи, очерки) — в начале 1920-х в эмигрантских изд., преимущественно казачьих («Казачьи думы», «Казачий сполох», «Казачий ж.», «Родимый край», «Возрождение», «Современные записки», «Россия» и др.). Первый сб. стихов Т. «Путь» вышел в Париже в 1928 и был весьма доброжелательно встречен эмигрантской критикой. Г. Струве в рецензии на книгу отмечал: «Важно, что у молодого поэта есть что сказать своего и что он находит часто свои образы, свои

рифмы и свои темы. В „казачьих“ стихах Туроверова приятно чувствуется укорененность в родной почве... Эти строки написаны настоящим поэтом» (Россия. 1928. 14 апр.). Г. Адамович писал: «Это не плохие стихи. Мы даже решительно предпочтем их многим стихам гораздо более литературным...» Критик высказывал надежду, что у Т. «могут найтись читатели и поклонники, потому что в стихах он действительно что-то „выражает“, а не придумывает слов для выражения мыслей и чувств» (Звено. 1928. № 5. С. 281). См. также рецензию А. Краснощекова, обратившего внимание в сб. на поэму «Новочеркасск» (Казачий ж. 1929. № 6. С. 25–26).

В 1937 в Безансоне вышел второй сб. Т. и там же вскоре еще 2 (в 1939 и 1942) — все под названием «Стихи». Эти 3 книги, как и первая, были доброжелательно встречены эмигрантской критикой. Второй сб. Т. Ю. Терапиано охарактеризовал как книгу «талантливого и несомненно одаренного поэта» (Круг. 1937. Кн. 3. С. 175). Строгий и взыскательный В. Ходасевич ставил второй сб. Т. в один ряд с книгой поэтессы Н. Снесаревой-Казаковой «Рыцари белого движения» (1937): «Их поэзия движима патриотизмом, отчетливо окрашенной в цвета белой армии. К сожалению, в чисто поэтическом смысле и тот и другая идут проторенными путями.

Н. Н. Туроверов

Стихи их добротны (у Туроверова всегда <...>), но не обнаруживают самостоятельной работы» (Ходасевич В. Двадцать два // Возрождение. 1938. 20 июня). А. Осокин в рецензии на третий сб. Т. отмечал, что «Туроверов, одаренный очень редкой в наши дни способностью легко и свободно писать стихи, пишет, как на коньках катается». В то же время Осокин упрекал Т. в самоуверенности и выставлении «напоказ своей казачьей удалости» (Русские записки. 1939. № 17. С. 299).

«Казачья» поэзия Т., лирика по складу своего дарования, глубоко связана с тихим Доном, «краем курганов и ветров», его историей и природой. Он бережно хранил на чужбине верность прошлому отчего края, воспоминания о котором врачевали душу поэта: «...Как счастлив я, когда приснится / Мне ласка нежного отца, / Моя далекая станица / У быстроговодного Донца, / На гумнах новая солома, / Внизу поемные луга, / Знакомый кров родного дома, / Реки родные берега» («Париж», 1928). Размышляя о своей поэтической судьбе, Т. заметил: «Фея положила в колыбель / Мне свирель прадедовского края / Да насущный хлеб чужих земель» («Больше ждать и верить и томиться...», 1936). Мн. стихи Т. воспринимаются как лирические экскурсы в прошлое — в овеянную славой казачью историю («Вольница», «Новочеркасск», оба — 1922; «Сирок», 1943, и др.), в недавние события отшумевшей Гражданской войны («В эту ночь мы ушли от погони...», 1931; «Поход», 1939; «Уходили мы из Крыма...», 1940, и др.), оставившей в сердце поэта неизгладимый след: «Запомним, запомним до гроба, / Тревоги в морозных ночах, / Да блеск тускловатый погона / На детских на хрупких плечах» («Не выдас меня кобылица...», 1936). В этом же ряду и до боли пронзительные стихи о прощании с родиной в дни эвакуации из Крыма: «Нет, не один из нас заплачет, / Грузясь на ждущий пароход, / Когда с прощальным поцелуем / Освободим ремни подпруг / И злым предчувствием волнуем, / Заржет печально верный друг» («Нет, не один из нас заплачет...», 1925). В «прощальных» стихах Т. возникает образ «последнего ночлега» на родной земле и поспешного бегства с боями за кордон. Критика отмечала, что стихи Т. о Гражданской войне «без всякой ненависти, без всякой примеси пропаганды» (Струве Г. П.— С. 352).

Через мн. стихи Т. проходит образ снега (он то «розовый», то «сине-мерцающий», то «как комья чистой ваты»). Снег в поэтическом мире Т.— это не только стихия единения,

вошедшая в сознание поэта со времен Ледяного похода: «Меня с тобой метель сдружила, / Когда на подвиг и на смерть / Нас увлек в снега Корнилов». Снег — это и неизменная примета родины, символ России: «Но всех родней на свете выюг / Кто в дальних странствиях обижен, / Зимой острее взор и слух / И Русь роднее нам и ближе» («Снег», 1924).

Наряду с «казачьими» мотивами в лирике Т., не ограниченной региональными рамками и достигающей значения лирики общерусской, звучат свойственные всей эмигрантской поэзии ностальгические мотивы («Слились в одну мои все зимы...», 1929; «Эти дни не могут повториться...», 1932, и др.), мотивы о любви (любовная лирика Т. лишена исповедальности) («О, как мне этой жизни мало...», 1938; «Ты одна со мною разделила...», «Октябрь», оба — 1945, и др.), красоте Божьего мира («Глядеть, глядеть! И глаз не отрывать...», 1950–52; «Еще твой мир и мудр и прост...», 1939, и др.), о «мачехе веселой» Франции, приютившей поэта («Гражданские стихи», 1941–42; «Прованс», 1940; «Париж», 1928, и др.). «Французские» стихи о Париже, Бретани соседствуют с «русскими» о Москве, Доне, российская история и история Франции, Европы перемежаются и перекликаются. Для Т.-поэта одинаково близки как имена выдающихся деятелей русской культуры (Гоголь, Сумароков, Суворов, Т. Шевченко), так и имена представительниц западной культуры.

В начале Второй мировой войны Т. вступил добровольцем во Французский Иностр. легион, в рядах которого сражался в Африке (эта страница биографии поэта нашла отражение в цикле «Легион», 1940–45). В 1945 Т. вернулся в Париж, длительное время служил в одном из банков. С 1947 по 1958 возглавлял возрожденный казачий Союз, призванный оказывать помощь казакам-эмигрантам. Стихи, статьи, очерки Т. печатались в ж. «Грани», «Новом ж.». Будучи коллекционером старинных русских гравюр и хранителем личной библиотеки известного библиофила генерала Д. И. Ознобишина, Т. занимался активной культурно-просветительской деятельностью: устраивал в Париже выставки на военно-исторические темы («Суворов», «1812 год», «Казаки»). Т. был одним из основателей Общества ревнителей российской военной старины, сотрудничал в ж. «Военная быль», «Родимый край», собрал обширную коллекцию книг по истории казачества. Еще в 1939 в «Казачьем альм.» Т. вступил со ста-

тей «Казачи в изображении иностранных художников», зарекомендовав себя знатоком русской военной иконографии.

В 1965 в Париже вышел пятый, последний сб. Т. «Стихи», куда были включены мн. произведения из др. поэтических книг. В рецензии на последний сб. Т. отмечалось: «Блок когда-то обмолвился, что стихи нельзя писать перед зеркалом. Бунин-поэт (да и Бунин-прозаик) в этом отношении был не без греха. А вот в ясных и прекрасных стихах Туроверова „зеркало“ отсутствует начисто» (Сотник // Новый ж. 1966. № 85. С. 293).

В поздней лирике Т. заметно обостряются ностальгические мотивы, появляются мысли об уходящей жизни: «Пора, мой старый друг, пора, — / Мы зажились с тобою оба, / И пожилые юнкера / Стоят навывтяжку у гроба». Стих Т. становится более строгим и сдержанным, обретая то редкое качество, на которое обращал внимание Г. Адамович: «Замечательен его дар „пластический“, его способность округлять, доканчивать без манерности, одним словом, его чутье художника» (Последние новости. 1937. 28 окт.).

По свидетельству Г. Струве, отношение к Т. в «парижских литературных кругах <...> было высокомерным». «Со свойственным парижским поэтам снобизмом от него отмахивались, как от „казачьего поэта“» (Струве Г. П. — С. 351). По своим эстетическим устремлениям Т. был весьма далек от поэтической богемы русского Монпарнаса — «парижской ноты» с ее абстрактной метафизикой и упадническими настроениями, постоянной мыслью о смерти. По словам Ю. Терапиано, Т. следовал «неоклассической линии» в развитии традиций пореволюционной поэзии (Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека. Париж, 1986. С. 262). Он делал упор на композиционную стройность, простоту, ясность и изобразительную точность стиха. Характерными чертами творческого облика Т. были «скромность» и «мужественность» (в плане стоического приятия нелегкой изгнаннической судьбы), последней, по его собственному признанию, он учился у Гумилева: «Учился у Гумилева / На все смотреть свысока, / Не бояться честного слова / И не знать, что такое тоска» («Учился у Гумилева...», 1946). В то же время в его стихах угадывается явное влияние поэзии Пушкина, Лермонтова, Бунина, А. К. Толстого и отчасти Баратынского, пленившего Т. трагическими порывами дойти до сокровенной сущности мироздания.

Т. был горячим патриотом Дона, ревнителем казачьей старины. Свои взгляды на ис-

торию казачества он сформулировал так: «Было три Дона: Вольница Дикого Поля, Имперское Войско Донское и третий, короткий и маленький, как зигзаг молнии, казачий сполох. Четвертого Дона нет... Без России и вне России у казачества не было, нет и не может быть дорог! России без казаков было бы труднее идти своим историческим путем, будет тяжелее возвращаться на свое историческое лоно» (Цит. по: Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов н/Д., 1992. С. 245).

Т. скончался в госпитале Лавуазьер под Парижем в возрасте 73 лет. О месте поэта в лит-ре Русского зарубежья пронизательно заметил Н. Станюкович в статье «Боян казачества», назвав Т. «...может быть, последним выразителем духа мятежной и мужественной ветви русского народа — казачества» (Возрождение. 1956. № 60. С. 129).

Соч.: Стихи / предисл. и сост. В. Леонидова. М., 1995; Стихотворения / сост. и вступ. заметка А. Д. Алексеева // Русская лит-ра. 1989. № 4. С. 88–102; Двадцатый год — прощай, Россия: [стихотворения, проза] / предисл. и сост. В. Леонидова. М., 1999.

Лит.: Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Париж, 1986. С. 351–352; Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа. Нью-Йорк, 1987. С. 259–262; Боян казачества / публ. В. Н. Запелалова // Казаки России. 1997. № 1; Репников А. Казачий поэт // Независимая газ. Московского региона. 1999. 17–23 марта.

В. Н. Запелалов

ТУФАНОВ Александр Васильевич [19.11 (2.12).1877, Петербург — 1941] — поэт, теоретик искусства.

Сын крестьянина Архангельской губ., считал себя потомком новгородских ушкуйников. Окончил Тотемскую учительскую семинарию, в 1900 — Петербургский учительский ин-т. Был зачислен вольнослушателем в Петербургский ун-т, но завершить там образование Т. не удалось. В 1902 он был привлечен к суду за распространение нелегальной лит-ры. В 1907 был арестован вторично по обвинению в революционной агитации. По свидетельству самого Т., «в общей сложности в одиночном заключении пробыл около полутора лет, в семи столичных и провинциальных местах заключения, один раз пересылался этапным порядком и 2 раза был под надзором полиции» (**Автобиография**. РО ИРЛИ). В промежутке между двумя арестами Т. начал лит.-репортерскую деятельность: в 1905 в газ. «Сын Отечества» появились его театральные рецензии и судебно-политическая